

РУССКАЯ ВЪДОМОСТИ

XL.

№ 189 ПЯТНИЦА, 9 ЮЛЯ 1904 г.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

№ 189 ПЯТНИЦА, 9 ЮЛЯ 1904 г.

XL.

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ.

Приводимъ выдержку изъ личнаго письма Г. Б. Толоса къ редактору *Русскихъ Вѣдомостей* о послѣднихъ дняхъ жизни незабвеннаго писателя.

«...Въ Люцернѣ, гдѣ я думалъ отдохнуть нѣсколько дней съ братомъ, меня вчера утромъ настигла телеграмма Ольги Леонардовны съ извѣстіемъ о кончинѣ А. П.—ча. Я съ ближайшимъ поѣздомъ поѣхалъ въ Баденвейлеръ и очень кетати пріѣхалъ: хотя власти и нѣкоторые проживающіе здѣсь русскіе усердно помогали ей, но все-таки было ужасно тяжело, и нужны совѣтъ и помощь. Проведу здѣсь до завтрашняго утра, провожу тѣло до Фрейбурга, гдѣ вагонъ пріѣхитъ къ скорому поѣзду на Берлинъ... Изъ моихъ телеграммъ вы знаете, какъ произошла кончина. Я лично въ Берлинѣ уже получилъ впечатлѣніе, что дни А. П. сечтены,—такъ онъ мнѣ показался тяжело-больнымъ: странно исхудалъ, отъ малѣйшаго движенія кашель и одышка, температура всегда повышенная. Въ Берлинѣ ему трудно было подняться на маленькую лѣстницу Потсдамскаго вокзала; нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ обезсиленный и тяжело дыша. Помню однако, что, когда поѣздъ отходилъ, онъ несмотря на мою просьбу оставаться спокойно на мѣстѣ высунулъ изъ окна и долго кивалъ головою, когда поѣздъ двинулся. По пріѣздѣ сюда, въ Баденвейлеръ, онъ первые дни чувствовалъ себя бодрѣе, говорилъ о своихъ планахъ, мечталъ о путешествіи по Италіи и хотѣлъ вернуться въ Ялту черезъ Константинополь. Аппетитъ и сонъ были лучше; но уже на второй недѣлѣ здѣшняго пребыванія стали проявляться безпокойство и торопливость, — компанія ему не нравилась, хотѣлось другаго мѣста. Они перѣехали въ частный домъ Villa Frederike, и тамъ повторилось то же самое: пара спокойныхъ дней, затѣмъ снова желаніе куда-нибудь подальше. О. Л. нашла прекрасную комнату съ балкономъ въ Hôtel Sommer, и здѣсь онъ, сиди на балконѣ, любилъ наблюдать сцены на улицѣ. Особенно его занимало непрекращающееся движеніе у дома почты. «Видишь,—говорилъ онъ жентѣ,—что значитъ культурная страна: всѣ выходятъ и входятъ, каждый пишетъ и получаетъ письма». Выѣзжалъ А. П. почти ежедневно съ О. Л. кататься въ лѣсъ; проѣзжая черезъ деревню, любовался крестьянскими чистыми домами и вздыхалъ: «Когда же у насъ такъ мужики будутъ жить!» Такъ дни проводилъ до начала этой недѣли... А. П. производилъ впечатлѣніе серьезно больного, но никто не думалъ, что вообще такъ близокъ. Д-ръ Швёгеръ (Schwöger), превосходно относившійся къ пациенту, на мой вопросъ, была ли кончина и для него неожиданной, отвѣтилъ утвердительно: до наступленія кризиса въ ночь съ четверга на пятницу онъ думалъ, что жизнь можетъ еще продлиться нѣсколько мѣсяцевъ, и даже послѣ ужаснаго припадка во вторникъ состояніе сердца еще не внушало большихъ опасеній, потому что послѣ прорывиванія морфіи и вдыханій кислорода пульсъ сталъ хорошимъ, и больнои спокойно заснулъ. Только въ ночь съ четверга на пятницу, когда послѣ перваго камфарнаго шприца пульсъ не поправлялся, стало очевидно, что катастрофа приближается. Проснувшись въ 1-мъ часу ночи, Антошъ Павловичъ сталъ бредить, говорилъ о какомъ-то матросѣ, спрашивалъ объ японцахъ, но затѣмъ пришелъ въ себя и съ грустной улыбкой сказалъ жентѣ, которая вела ему на грудь мѣшокъ со льдомъ: «На пустое сердце льда не кладутъ».

Зналъ ли онъ раньше, что умираетъ? И да, и нѣтъ. Когда теперь вспоминаютъ о нѣкоторыхъ его выраженіяхъ, краткихъ и какъ будто брошенныхъ случайно (ему вообще въ послѣднее время запрещали долго говорить), возникаетъ предположеніе, что мысль, о близости смерти у него явилась раньше, чѣмъ у окружающихъ: за нѣсколько дней предъ кончиной, когда онъ послалъ мнѣ въ Берлинъ чекъ для полученія денегъ у Мендельсона, А. П. распорядился, чтобы деньги были адресованы на имя его супруги, и когда О. Л. спросила его, почему это, онъ отвѣтилъ: «Да знаешь, на всякій случай»... Послѣднія его слова были: «Умираю», и потомъ еще тише, полѣмецки, къ доктору: «Ich sterbe»... Пульсъ становился все тише... Умирающій сидѣлъ въ постели, согнувшись и подпертый подушками, потомъ вдругъ склонился на бокъ, —и безъ вдоха, безъ видимаго вѣшняго знака, жизнь остановилась. Необыкновенно довольное, почти счастливое выраженіе появилось на сразу помолодѣвшемъ лицѣ. Сквозь широко раскрытое окно вѣяло свѣжестью и запахомъ сѣна, надъ лѣсомъ показывалась зоря. Кругомъ ни звука,—маленькій курортъ спалъ; врачъ ушелъ, въ домѣ стояла мертвая тишина; только нѣкіе птицъ доносилось въ комнату, гдѣ, склонившись на бокъ, отдыхалъ отъ трудовъ замѣчательный человекъ и работникъ, склонившись на плечо женщины, которая покрывала его слезами и поцѣлуями. Въ видѣ особой любезности къ *berühmter russischer Schriftsteller*,

хозяинъ отеля согласился оставить тѣло въ комнатѣ, но въ слѣдующую ночь его тайкомъ, черезъ задніе корридоры, вынесли въ часовню, гдѣ оно останется до отхода поѣзда въ Россію. Здѣшнія публики, и въ особенности, конечно, находящіеся здѣсь русскіе, очень сердечно отнеслись къ великой потерѣ. Телеграмма приходитъ за телеграммой, во всѣхъ слышится неподдѣльная скорбь и сознаніе, что не стало великаго таланта и слишкомъ рано прервалась эта жизнь, еще такъ много обѣщавшая...

Баденвейлеръ, 3-го іюля.
